

Кризис взаимоотношений Русской и Константинопольской церквей в середине 1920-х гг. и советская внешняя политика

Александр Мазырин

**The crisis of relations between the Russian and Constantinople churches
in the mid-1920s and Soviet foreign policy**

Alexander Mazyrin

(Saint Tikhon Orthodox Humanitarian University, Moscow, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010149-4

Взаимоотношениям Русской и Константинопольской церквей в XX в. посвящено уже нескольких монографий¹, однако далеко не все их аспекты исследованы должным образом. Так, благодаря Л.А. Герд, М.В. Шкаровскому и некоторым другим авторам уже в значительной мере раскрыто влияние российской и советской внешней политики на развитие церковных дел в начале и середине столетия. Но про 1920-е гг. этого сказать нельзя. Внимание исследователей в основном сосредоточилось на материалах партийной антирелигиозной комиссии². Между тем выявленные в Архиве внешней политики Российской Федерации документы НКВД СССР³ позволяют понять, почему замедлилось сближение Константинопольской патриархии с русскими обновленцами. В какой-то момент большевики всерьёз обсуждали возможность принять в Москве так называемого вселенского патриарха, изгоняемого из Стамбула турками, но затем нарком Г.В. Чичерин счёл эту политическую игру неуместной.

Положение Константинопольской патриархии на протяжении 1920-х гг. не раз резко менялось. В начале десятилетия греки надеялись осуществить «великую идею» — закрепиться по обе стороны Эгейского моря, сделав Константинополь столицей своего государства и превратив «вселенского» патриарха в «восточного папу», которому подчинялись бы все православные церкви. Но уже в августе 1922 г. армия короля эллинов, вторгшаяся вглубь Малой Азии, была разбита турками, а местному греческому населению пришлось бежать, спасаясь от полного истребления. В Стамбуле, согласно решениям Лозаннской конференции, греки, являвшиеся его уроженцами, могли остаться, но их число постоянно сокращалось. Для Константинопольской патриархии в Турции на-

© 2020 г. А.В. Мазырин

Статья подготовлена при поддержке Фонда развития ПСТГУ, проект № 01-0717/КИП 4.

¹ Герд Л.А. Константинопольский патриархат и Россия. 1901—1914. М., 2012; Шкаровский М.В. Константинопольский патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. М., 2014; Мазырин А.В., Кострюков А.А. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской церквей в XX веке. М., 2017.

² Митрофан (Шкурин), игумен. Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922—1929 годах: (По материалам Антирелигиозной комиссии) // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 162—175.

³ Автор благодарит Отдел внешнецерковных связей Московского патриархата и лично протоиерея Николая Балашова за содействие в ознакомлении с этими документами.

стали худшие времена, но от стремления к гегемонии в мировом православии на Фанаре не отказались.

Между тем Русская Церковь при советской власти не просто лишилась всех преимуществ, которые ей предоставляла Российская империя, но и фактически планомерно уничтожалась и разрушалась как организация. Высокопоставленный представитель Наркомюста П.А. Красиков откровенно заявлял в печати: «Мы, коммунисты, своей программой и всей своей политикой, выражающейся в советском законодательстве, намечаем единственный в конечном счёте путь, как религии, так и всем её агентам: это путь в архив истории»⁴. В то же время органы ВЧК, не расходясь с НКЮ в понимании конечной цели партийно-советской политики в отношении Церкви, настаивали на других методах её достижения и публично выражали готовность «поддерживать в духовенстве то течение, которое следует за духом времени и идёт на поддержку советской власти»⁵.

Хотя в целом конфессиональная политика советской власти носила отчётливо антирелигиозный характер, в ней были и свои нюансы, в частности в отношении к Константинопольской патриархии. Достаточно быстро интерес к ней проявил НКВД (тогда ещё РСФСР). Поскольку с международным признанием у Советской России поначалу были проблемы, можно было записать в актив и установление контакта с московской «миссией вселенского патриарха». Сама же миссия была тогда более обеспокоена не столько продвижением идеи «восточного папства» с центром Константинополе, сколько сохранением своей собственности в Москве, которой она, как и все религиозные общества в РСФСР, лишалась декретом Совнаркома об отделении Церкви от государства. 20 ноября 1918 г. НКВД выдал ей документ, подписанный заместителем наркома Л.М. Караханом: «Народный комиссариат по иностранным делам удостоверяет, что дом Константинопольского патриаршего подворья (по Крапивенскому пер., 4) занят представительством вселенского (константинопольского) патриарха в России, и, с своей стороны, находит целесообразным освободить таковой от какой бы то ни было реквизиции, а также муниципализации и национализации»⁶. Следуя этой рекомендации, Юридический отдел Моссовета 2 декабря 1918 г. признал, что дом, принадлежавший подворью, «как занятый представительством вселенского патриарха в России из-под действия декрета “Об отделении церкви от государства” исключается»⁷. Но вскоре в РСФСР к миссии охладели, и уже в 1920 г. Моссовет муниципализировал её здание. «Квартирный вопрос» ещё долго оставался одной из главных забот «вселенской» патриархии в Москве⁸, но его церковно-политический контекст существенно поменялся.

Весной 1922 г. по инициативе Л.Д. Троцкого для борьбы с Православной Российской Церковью (патриаршей или, как её ещё называли по имени патриарха, «тихоновской») в ней был инспирирован «обновленческий» раскол, с руководством которого представительство Константинопольской патриархии

⁴ Красиков П.А. Кому это выгодно // Известия ВЦИК. 1919. 14 декабря.

⁵ Лацис М.И. Государство и церковь // Известия ВЦИК. 1919. 2 декабря.

⁶ ГА РФ, ф. 1235, оп. 63, д. 397, л. 556.

⁷ ЦГА МО, ф. 66, оп. 18, д. 60, л. 53; ГА РФ, ф. 1235, оп. 63, д. 397, л. 555.

⁸ Подробнее см.: Мазырин А.В. Подворье Константинопольской патриархии в Москве и проблемы межцерковных отношений в 1917—1938 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 104—123.

сразу вошло в контакт. Фанару ослабление Русской Церкви было выгодно, поскольку ранее именно она сдерживала папистские притязания «вселенского» патриархата, а обновленцы могли выступить в роли проводников его влияния в России. Кроме того, через них было удобно налаживать сотрудничество с большевиками, тогда как «тихоновцы», в которых советская власть видела церковных контрреволюционеров, для этого не годились.

Основным куратором обновленцев негласно являлось ГПУ (с ноября 1923 г. — ОГПУ), отвечавшее за «разложение церковников». Действия учреждений, осуществлявших конфессиональную политику, координировала секретная Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) (в обиходе — Антирелигиозная комиссия или АРК). Её председателем с конца 1922 г. являлся Е.М. Ярославский, а бессменным секретарём и фактически центральной фигурой — представитель ГПУ—ОГПУ Е.А. Тучков. При этом НКВД в АРК представлен не был. Официальные же контакты «церковников» всех течений с советской властью осуществлялись через возглавляемый П.Г. Смидовичем Секретариат по делам культов при Президиуме ВЦИК.

Обновленцы достаточно быстро осознали, что Константинопольская патриархия может помочь им в противостоянии с «тихоновцами» и, в свою очередь, стали оказывать ей всяческие знаки внимания. На рубеже 1922—1923 гг., когда на Лозаннской конференции обсуждалось положение национальных меньшинств в послевоенной Турции, обновленцы, как могли, участвовали в информационной кампании в защиту греческого патриархата⁹. Пикантность ситуации заключалась в том, что патриарх Мелетий (Метаксакис) стал одним из главных вдохновителей греческого ирредентизма, использовавшегося враждебными Советской России странами Антанты (в первую очередь, Великобританией) против турецкого национально-революционного движения, которое поддерживалось большевиками. Иными словами, обновленцам, имевшим репутацию «церковных большевиков», приходилось ратовать за «агента империализма», каковым считался патриарх Мелетий. Коллизия разрешилась после возвращения Турции летом 1923 г. Константинополя, ранее оккупированного войсками Антанты, и удаления из него Метаксакиса, являвшегося для турок совершенно неприемлемой персоной.

Патриарх Мелетий, правда, и в изгнании какое-то время пытался бороться за свои права, что беспокоило Антирелигиозную комиссию, которая 18 сентября 1923 г. постановила: «Поручить тов. Попову (заместителю председателя АРК. — *А.М.*) переговорить с тов. Чичериным о положении Милетия (так в тексте. — *А.М.*) и Константинопольского синода и в зависимости от этого разрешить вопрос о возврате их представителям находящегося в Москве дома»¹⁰. Как прошли переговоры, неизвестно, но здание подворья грекам так и не вернули. Однако проблема с «империалистом» Мелетием (Метаксакисом) вскоре разрешилась, поскольку он официально отрёкся от «вселенского» престола.

Новым патриархом избрали Григория (Зервудакиса), вполне лояльного туркам и готового сотрудничать с большевиками. Его интронизация состоялась 6 декабря 1923 г., а уже через два дня обновленцы, стремясь ещё более расположить к себе Константинопольскую патриархию и зная про её особый интерес

⁹ См.: Выступление группы белого духовенства «Живой Церкви» на защиту Константинопольского патриарха // Живая Церковь. 1923. № 11(1). С. 14—16.

¹⁰ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)—ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922—1929 гг. / Сост. В.В. Лобанов. М., 2014. С. 101.

в Москве, направили обращение в ЦИК СССР: «Священный Синод Российской Православной Церкви настоящим поддерживает ходатайство представителя константинопольского вселенского патриархата в РСФСР о возвращении национализированного владения патриархата, состоящего из дома в Крапивенском переулке, в г. Москве, дом № 4, между прочим, и ввиду того, что турецкое правительство уже возвратило в Константинополе РСФСР все бывшие русские владения, не исключая и церковных»¹¹.

Опираясь на это ходатайство обновленческого Синода, московский представитель Константинопольского патриархата архимандрит Василий (Димопуло) в апреле 1924 г. сообщил в Отдел по делам Ближнего Востока НКВД СССР, что возвращение дома в Крапивенском переулке «было вполне благожелательно поддержано турецким в Москве послом», а Коллегией НКВД «дано было за подписью члена правовой комиссии тов. Канторовича заключение о том, что таковое возвращение считается им целесообразным и желательным». По мнению Димопуло, «наличие столь важных факторов, как заключение НКВД и поддержка турецкого посольства, давали достаточно сильное основание ожидать благоприятного разрешения вопроса, однако Центральная комиссия по демунICIPализации домов при НКВД, на рассмотрение коей поступило означенное ходатайство, оставила его без уважения, признав, что жилое владение Константинопольского патриаршего подворья по размерам своим (3-этажный дом) не подходит под основания декрета о демунICIPализации». Более того, Организационный отдел ВЦИК счёл, что «ввиду признания Грецией СССР поддержка НКВД и турецкого посольства отпадает и вопрос откладывается до установления конвенционных соглашений»¹².

Как видно, советские чиновники использовали любой предлог для того, чтобы не возвращать особняк в центре Москвы. Греческий архимандрит, естественно, возражал: «Считая такой оборот дела совершенно неправильным, ибо Константинопольский патриархат находится не в пределах Греции, а Турции, я полагаю, что разрешение вопроса о возвращении Константинопольской патриархии дома не может находиться ни в какой зависимости от признания Грецией СССР, а должен быть разрешён исключительно лишь на основании дружественных отношений между Турецкой и Советской республиками, тем более что турецкое правительство возвратило уже находящееся в Константинополе и принадлежащее России недвижимое имущество, не исключая и церковного». Но русский храм в стамбульском районе Харбие турки возвратили не Русской Церкви, а советскому правительству, которое могло его использовать по своему усмотрению, тогда как архимандрит Василий просил вернуть здание бывшего подворья в Москве не турецким властям, что было бы зеркально, а Константинопольской патриархии, хотя отношения Фанара с кемалистами оставались крайне натянутыми. По его словам, в которых восточное красноречие неподражаемо сочеталось с социальной демагогией, «разрешение этого вопроса в благоприятном смысле должно произвести сильное впечатление на Востоке и будет иметь важное политическое значение, ибо получение Константинопольской патриархией возможности продолжать филантропическую помощь туземному пролетариату должно способствовать укреплению в нём чувства признательности и благодарности к Советской России и вести к поднятию на Ближнем Востоке престижа рабоче-крестьянского правительства, который тем

¹¹ АВП РФ, ф. 0132, оп. 7, папка 141, д. 27, л. 163.

¹² Там же, л. 161—162 об.

больше будет возрастать и привлекать к нему трудящиеся массы Востока, чем более исключительным и незаурядным образом и порядком будет разрешён данный вопрос»¹³.

Как ни странно, Димопуло ни разу не упоминал про удостоверение, выданное в ноябре 1918 г. Караханом, ссылаясь лишь на заключение А.Я. Канторовича (впоследствии — видного советского китаевода), занимавшего тогда в аппарате НКВД скромный пост сотрудника Экономическо-правового отдела. Видимо, в апреле 1924 г. нужной бумаги у архимандрита Василия под рукой не оказалось. В самом наркомате про неё к тому времени тоже забыли. Получив заявление Димопуло, подотдел Ближнего Востока НКВД СССР запросил из НКВД дело о доме подворья, где и обнаружили копию постановлений 1918 г. Сделав для себя такое открытие, заведующий подотдела С.К. Пастухов обратился к Г.В. Чичерину. «Ввиду того, — писал он наркому 11 июня 1924 г., — что в настоящее время гр. Димопуло вновь возбуждает вопрос о демунICIPализации дома, прошу Вас не отказать дать указания: считать ли нам действительным и имеющим силу удостоверение, выданное НКВД в 1918 году, или же нам следует сообщить в НКВД, что Наркоминделом аннулировано удостоверение от 20/XI 1918 г. и что к вопросу о демунICIPализации дома патриаршего подворья НКВД никакого отношения не имеет»¹⁴. Ответил ли Чичерин, неизвестно, однако в дальнейшем руководство НКВД полностью устранилось от решения данной проблемы.

Не в пользу Фанара оказалось и приобщённое к делу экспертное заключение учёного консультанта 5-го отдела Наркомюста П.В. Гидулянова (в прошлом известного канониста, доктора церковного права, автора диссертации «Восточные патриархи в период четырёх первых Вселенских Соборов»). В «Справке о международной правоспособности Константинопольского патриарха» Гидулянов был категоричен: «Константинопольский патриархат никогда не являлся субъектом международного права и нигде не пользовался правом международного представительства. В период царизма, когда Константинопольские патриархи владели недвижимой собственностью в России, как то: подворьями, недвижимыми имениями, они выдавали на управление принадлежащими имениями общегражданские доверенности подчинённым им лицам, каковым был и предшественник Василия иеромонах Иаков. Ныне все бывшие патриаршие недвижимые имущества (константинопольское подворье) муниципализированы, и посему, если константинопольский патриарх и может иметь какое-либо представительство в Республике, то только на основании общегражданской доверенности, как и всякий иностранный подданный. (К сему следует заметить, что ориентация вселенских патриархов, поскольку она доселе выразилась в их публичных заявлениях и деятельности, является явно враждебной советскому государству)»¹⁵.

Весной руководство НКВД получило от советского посольства в Анкаре донесение, датированное 5 апреля 1924 г. и составленное, судя по всему, полпредом Я.З. Сурицем, к которому обратился драгоман патриарха Григория, прошивший принять высокопоставленного представителя Фанара. Состоявшаяся затем «беседа началась с приветствия от имени патриарха “правительству

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 184.

¹⁵ Там же, л. 182. Сделанная в скобках приписка относилась скорее к отстранённому патриарху Мелетию, поскольку его преемник пытался в то время демонстрировать СССР своё дружелюбие.

возлюбленного русского народа”, вскоре она коснулась и деловой цели визита. Оказалось, патриарх вознамерился ходатайствовать перед Москвой о возвращении Фанару национализированного подворья, находящегося в Москве, в Крапивенском пер[еулке] на Петровке. Я предложил представить письменное заявление по существу возбуждаемого ходатайства: это заявление я обещал препроводить в Москву. При этом я осведомился, не может ли патриархат оказать нам содействие в передаче СССР недвижимых имуществ, принадлежавших быв[шей] государственной церкви и находящихся в Турции, в Палестине и Сирии. Последовал ответ, что, хотя патриархат и не принимал донныне участия в этом деле, но что наш представитель может в любой момент обратиться к патриархату, который окажет ему всяческое содействие». По-видимому, встречное предложение советского дипломата вызвало некоторое замешательство у фанариотов, имевших свои виды на русское церковное имущество в Турции. По московскому же делу ему вскоре было передано письмо «от самого патриарха с приложением краткой ноты»¹⁶.

Препроводя оба документа в Москву и «отнюдь не предрешая вопроса, возбуждаемого патриархом», в полпредстве сочли «небесполезным некоторыми данными осветить общее положение последнего в настоящий момент». Для его понимания на трёх страницах приводились статистические сведения о стремительном сокращении паствы Константинопольской патриархии, сообщалось о крайне неприязненном отношении к ней правительства М. Кемаля, описывался «переворот, близкий к настоящему погрому», который произвёл «невежественный и грубый, но смелый диакон из Анатолии — папа Евфимий», самочинно образовавший и возглавивший так называемую Турецкую православную церковь, ставшую «орудием в руках кемалистов для борьбы во-вне с ненавистными греками, а внутри страны — с константинопольской оппозицией». В результате, «теряя свою паству, лишаясь прежних областей, не встречая активной поддержки со стороны самой Греции, не решившейся помочь Мелетию и вынудившей его удалиться на Афон, теснимый национально-турецкой стихией, вселенский патриархат естественно ищет для себя какой-либо опоры... Взгляды патриарха обращаются к бывшей России. Пусть это ныне СССР. Это колоссальная держава, усиливающаяся с каждым днём, поневоле признаваемая и её врагами. Почему же не попытаться восстановить связь с могущественнейшей страной православного востока»¹⁷.

В свою очередь и советской дипломатии следовало решить, «как же реагировать на положение, создавшееся вокруг вселенского патриархата в современной Турции». «Возможно, — рассуждали в посольстве в Анкаре, — решительное отстранение от СССР каких бы то ни было вопросов религиозной жизни — в интересах принципиальной чистоты политической линии советской власти. Мыслимо тактическое использование создавшейся коллизии путём умелого маневрирования между обеими борющимися силами для расширения влияния СССР на Ближнем Востоке, упрочения связи с национальным движением в Турции или, напротив, эвентуальной ставки в нужный момент на оппозиционные элементы, хотя бы и группирующиеся на церковной платформе. Несомненно одно: необходимо разобраться в положении, наметить правиль-

¹⁶ Там же, л. 154—159.

¹⁷ Там же.

ную ориентацию, сравнив и оценив силы, столкнувшиеся в борьбе вокруг вселенского патриархата»¹⁸.

Для этого в донесении предлагалось командировать в Стамбул «достаточно развитого политически, инициативного и вполне надёжного представителя обновлённой в СССР церковности», поручив ему изучить обстановку и установить живую связь с различными течениями как в самом вселенском патриархате, так и среди православных на Ближнем Востоке. В дальнейшем это контакты предполагалось использовать для пропаганды советских идей, борьбы с контрреволюционными настроениями эмиграции, предъявления прав на имущество Русской Церкви в Турции, Сирии, Палестине, и в целом — для усиления влияния и престижа СССР. Центром задуманной операции должна была стать «русско-православная церковь в Харбие, единственная в городе и переданная СССР вместе с николаевским госпиталем. Церковь эта ныне опечатана советским представителем. В случае командировки в Кон[стантино]поль из СССР представителя обновленческой церкви, этот храм в Харбие мог бы служить удобнейшей базой для деятельности этого представителя по осуществлению намеченного выше плана»¹⁹. Несомненно, обновленцы охотно приняли бы участие в этом деле. Но, видимо, подобрать среди них подходящего священнослужителя не удалось. Возможно, сыграл свою роль и случившийся тогда же скандал с Николаем Соловьём, который в апреле 1924 г. был назначен обновленцами «архиепископом Сан-Францисканским и Калифорнийским», но едва оказавшись за пределами СССР, выступил в Латвии с резкими антиобновленческими и антисоветскими заявлениями²⁰.

Тем не менее от самой Константинопольской патриархии советским дипломатам удалось добиться целой серии нужных им постановлений. 30 апреля 1924 г. ею было возбуждено следствие в отношении русских архиепископов-беженцев Анастасия (Грибановского) и Александра (Немоловского), на время которого им предписывалось воздержаться от каких-либо священных и распорядительных действий в Константинополе. От остальных русских клириков, находившихся в бывшей османской столице, потребовали впредь руководствоваться исключительно указаниями Фанара и поминать за богослужениями только константинопольского патриарха (и, соответственно, не поминать своего патриарха Тихона)²¹. В русской зарубежной прессе сразу же отметили, что «всё это дело — афера между так называемой “живой церковью” в России и церковными властями в Константинополе; афера, которая была подготовлена советским “послом” в Константинополе Сурицем»²².

Следующим постановлением константинопольского Синода, касавшимся Русской Церкви, стало принятое 6 мая 1924 г. решение отправить в Москву «особую патриаршую комиссию», которой предписывалось «опираться на те тамошние церковные течения, которые верны существующему в России правительству», т.е. на обновленцев. Патриарху Тихону при этом предлагалось «ради единения расколовшихся» пожертвовать собой, «немедленно удалившись от управления церковью». Одновременно патриарх Григорий призывал вовсе

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ См., в частности: Восстали против обновленческого синода // Сегодня (Рига). 1924. 31 мая.

²¹ Грамоты вселенского патриарха // Церковная жизнь. 1924. № 2. С. 1—2.

²² К конфликту между константинопольским патриархом и Русской Церковью // Церковные ведомости. 1924. № 11—12. С. 10.

упразднить московское патриаршество, «как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения»²³. Такое бесцеремонное вмешательство Фанара во внутренние дела Московского патриархата привело к тому, что отношения двух поместных церквей оказались замороженными, хотя до официального разрыва дело тогда не дошло.

Позднее, в 1930 г., патриарх Фотий, сменивший Григория, на заседании своего Синода признал: «Советское правительство через своих представителей не только просило, но просто принуждало Вселенскую патриархию путём деятельного вмешательства выполнить свои обязанности, происходящие из особого её положения, как первенствующей церкви и всеправославного центра, с целью умиротворения Святой Православной Церкви в России. И как мы, бывши в то время членом Синода, помним, и как помнят остальные братья, которые входили тогда в состав Святого и Священного Синода, тогда была назначена патриаршая комиссия для поездки с указанной целью в Россию»²⁴. Патриарх Фотий не стал уточнять, каким именно образом советское правительство «принуждало» греческих иерархов, поэтому трудно сказать, имело ли оно какие-либо иные рычаги влияния, помимо желания фанариотов вернуть свою собственность в Москве.

В русской зарубежной печати летом 1924 г. сообщалось: «Чтобы подорвать авторитет патриарха Тихона и углубить смуту церковную, большевики решили пригласить в Москву константинопольского патриарха Григория VII, которому чуть ли не предлагают стать во главе Русской Православной Церкви. В этом смысле вынес постановление обновленческий синод по указанию чеки»²⁵. Можно, конечно, отнестись с иронией к осведомлённости эмигрантов об «указаниях чеки», но в секретном «Обзоре политэкономического состояния СССР» ОГПУ информировало тогда руководство страны: «Положение обновленцев довольно твёрдо и, вероятно, ещё более укрепитсся с приездом константинопольского патриарха, намеревающегося канонизировать обновленческий синод»²⁶. Правда, в Москву направлялся не сам патриарх, а комиссия из трёх митрополитов с переводчиком, но гораздо важнее было то, что советская сторона, хотя и с оговоркой, дала согласие на этот визит. 2 июля 1924 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б), рассмотрев вопрос «о разрешении въезда в СССР делегации константинопольского патриарха в числе 4 челов[ек] для ознакомления с церковными делами в СССР», постановила: «Въезд делегации разрешить как частным лицам»²⁷.

Однако, казалось бы, уже решённое дело, к большому огорчению обновленцев, тормозилось. 26 июля зампред ОГПУ Г.Г. Ягода обратился к Чичерину с просьбой «дать телеграфную директиву генконсулу СССР в Константинополе о выдаче виз делегатам патриарха Григория VII для проезда их в Москву».

²³ Грамоты вселенского патриарха. С. 2.

²⁴ *Καλαϊτζής Χ.* Το μετοχόν του Οικουμενικού Πατριαρχείου εν Μοσχά «Ο αγίος Σεργίος» και οι ηγούμενοι αυτού (1881—1936). Θεσσαλονίκη, 1991. Σ. 735.

²⁵ Положение св[ятейшего] патриарха Тихона и православной Церкви в советской России (Общий обзор по телеграммам, агентурным сведениям и частным письмам) // Церковные ведомости. 1924. № 13—14. С. 12.

²⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. Т. 2. М., 2001. С. 157.

²⁷ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) — ВКП(б). С. 133.

«Приезд делегатов, — писал Ягода, — задерживался до сих пор в целях установления заинтересованности различных инстанций в миссии означенной делегации. Ныне этот вопрос решён положительно. Наш константинопольский резидент сообщает, что тов. Суриц не только выражает согласие на их приезд, но и настаивает на этом»²⁸. 27 июля Ягода отправил наркому ещё одно письмо: «ОГПУ уведомляет, что с его стороны препятствий к въезду в СССР делегации константинопольского патриарха не встречается. Въезд может быть разрешён только как частным лицам»²⁹. Однако греки не спешили, и 3 сентября Анти-религиозная комиссия, повторно обсудив предполагаемый визит, вновь сочла нужным его «разрешить и поручить тов. Тучкову обработать делегацию в желательном для нас направлении»³⁰. Но делегация так и не приехала. По-видимому, помимо советской волокиты, ей воспрепятствовали турки, не сочувствовавшие активизации международной деятельности Константинопольской патриархии.

Впрочем, и без участия «патриаршей комиссии» во второй половине 1924 г. продолжалось укрепление фанаро-обновленческих связей. 6 ноября архимандрита Василия (Димопуло) и ещё одного грека включили в состав обновленческого «Священного синода». Произошло это за 11 дней до кончины патриарха Григория — первого из руководителей Фанара, «повернувшегося лицом» к СССР. Даже такой почитатель греческих патриархов, как возглавлявший Русскую Зарубежную Церковь митрополит Антоний (Храповицкий), называл его «постыдно-умершим», «сгубившим своим делом патриархат»³¹. Преемник Григория, избранный 17 декабря 1924 г. патриарх Константин, попытался продолжить политику своего предшественника на российском направлении и быстро обменялся с обновленцами приветственными телеграммами³².

Однако выстроить отношения с турками Константин, в отличие от Григория, не смог, и уже 30 января 1925 г. был ими выслан из Стамбула. Узнав об этом 3 февраля от Димопуло, обновленческий Синод постановил: «Выразить представителю вселенского патриарха в России архимандриту Василию соболезнование по поводу высылки из Константинополя патриарха Константина VI. Принять по этому поводу все зависящие от Священного Синода меры: составить обращение к правительству СССР, в коем просить его сделать представление турецкому правительству об оставлении резиденции вселенского патриарха в Константинополе... составить обращение к представителям автокефальных церквей»³³. Самому же патриарху Константину обновленцы послали телеграмму с приглашением «прибыть в Москву, дабы воспользоваться гостеприимством Русской Православной церкви и православного народа». Об этом же они ходатайствовали «пред высоким правительством Союза Советских Социалистических Республик»³⁴. В журнале «Церковное обновление» говорилось: «3.II.1925 Русский Священный Синод представил через Комисса-

²⁸ АВП РФ, ф. 0132, оп. 7, папка 141, д. 27, л. 193.

²⁹ Там же, л. 194.

³⁰ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) — ВКП(б). С. 135.

³¹ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль, 1988. С. 164.

³² Новый патриарх Вселенской Константинопольск[ой] Церкви, блажен[нейший] Константин VI // Церковное обновление. 1925. 28 января. № 2. С. 10; Грамота вселенского патриарха // Там же. 10 февраля. № 4. С. 25.

³³ На Православном Востоке // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 30.

³⁴ Там же.

риат иностранных дел СССР свой мотивированный протест турецкому правительству по поводу насильственного изгнания патриарха Константина VI из Константинополя»³⁵.

В этом протесте, обращённом к Чичерину, со ссылкой на архимандрита Василия утверждалось, что случившееся «вызвано интригами реакционных турецких сил, инспирируемых главным образом Румынией, причём этой партией выдвигается заместителем патриарха Константи́на Сербский патриарх Димитрий, чрезвычайно реакционный по своим политическим убеждениям выразитель антисоветских церковных настроений». Протестовавших, видимо, не смущало то, что некими *прорумынскими* силами выдвигался *сербский* патриарх. Их больше беспокоило то, что «удаление патриарха Константина из Константинополя есть победа антисоветских кругов Турции и с этой стороны имеет несомненное политическое значение, с точки зрения международного положения СССР, так как патриарх Константин является сторонником безусловного признания советской власти, со дня своего вступления вошедши в каноническое общение со Священным Синодом, возглавляющим, как известно, ту часть православной Церкви, которая лояльно относится к советской власти». «Священный Синод просит Вас, — взывали обновленцы к Чичерину, — указать ангорскому правительству недопустимость такого отношения к вселенскому патриарху, который с грубостью был изгнан турецкой полицией, причём ему не было дано даже трёх часов, чтобы собрать необходимые вещи. Вселенский патриарх является верховным религиозным авторитетом для всех православных, и оскорбление его есть оскорбление религиозного чувства всех православных Советского Союза». По мнению обновленцев, «советское правительство, стоящее на страже защиты угнетённых всех национальностей и в смысле политико-экономическом, и в смысле свободы выявления всех естественных прав человеческого духа, а в том числе и права религиозного самоопределения, имеет неоспоримое моральное право указать турецкому правительству, что изгнание вселенского патриарха есть насилие над религиозными убеждениями православных меньшинств Турции, только что избравших изгнанного Константина на вселенский престол, а равно и оскорбление православных, живущих в пределах СССР. Мы полагаем, что авторитетное представление правительства СССР приведёт к ликвидации печального инцидента и подымет авторитет рабоче-крестьянской власти, единственной во всём мире стоящей на страже защиты человеческих прав»³⁶.

Характерно, что Чичерин не проигнорировал это обращение, но, воспользовавшись им, вызвал 6 февраля для разговора турецкого поверенного в делах. «Энис-бей объяснил, — говорилось в записке наркома, составленной после беседы, — что патриарх Константин в качестве анатолийского грека подлежит обмену и что это было подтверждено установленной по Лозаннскому договору международной смешанной комиссией. После этого, зная, что он подлежит обмену, Константинопольский синод, тем не менее, выбрал его патриархом. Он известен как весьма активный греческий агент. 1 января было постановлено произвести в силу договорного обмена его высылку независимо от происшедшего после того избрания его». Тогда правительство Греции сначала предложило прибегнуть к Гаагскому трибуналу, а после отказа турок решило

³⁵ Высылка греческого патриарха из Константинополя // Церковное обновление. 1925. 10 февраля. № 3. С. 22.

³⁶ АВП РФ, ф. 4, оп. 39, папка 240, д. 53220, л. 1—2.

обратиться к Лиге наций, воспользовавшись статьёй, «предусматривающей в качестве последней меры военные действия». Дело шло к столкновению, причём «распространилось известие, что державы готовят коллективный демарш». В этой обстановке турецкое правительство через Энис-бея просило Москву поделиться имеющейся информацией «относительно намерений держав». Чичерин обещал предоставить соответствующие сведения, но тотчас напомнил о том, что «ходили слухи о намерении турецкого правительства противодействовать возвращению нашего черноморского флота». Энис-бей «с большим жаром» отрицал какую-либо причастность Турции к возникшим затруднениям и обвинял во всём комиссию по проливам, находившуюся под контролем западных держав. Турецкий поверенный спрашивал, какую позицию займёт СССР в случае начала боевых действий, но получил уклончивый ответ: по словам наркома, «детали вообще определяются в самый момент событий в зависимости от обстоятельств»³⁷.

О судьбе патриарха Чичерин высказался более определённо: «Что касается самого инцидента, то я установил в ответ на вопросы Эниса, что, во-первых, мы не вмешиваемся в церковные вопросы, во-вторых, мы не вмешиваемся во внутренние дела Турции, и, в-третьих, мы совершенно отказались от старой роли царизма, являвшегося протектором православных. Мы занимаем поэтому положение невмешательства». И хотя «живоцерковный священный синод за всеми подписями» просил его способствовать тому, «чтобы высылка Константина была взята обратно», руководитель НКВД не скрывал своего удивления, видя, как «империалистические державы выступают в пользу того самого Константина, которого живоцерковный синод представляет как сторонника живой церкви в СССР». Энис-бей заверил, будто «это всё очень интересно и он об этом сообщит в Ангору, но что в действительности Константин очень хорошо известен как греческий агент и был одиозен турецкому правительству как таковой». Завершая беседу, Чичерин повторил, что «наше правительство не ведёт в своей дипломатии какой-либо церковной политики и что наша позиция есть невмешательство. Под конец Энис-бей ещё раз просил передавать туркам получаемую нами информацию, по возможности ежедневно, об отношении держав к этому конфликту»³⁸.

Таким образом, НКВД демонстративно отстранился от фанаро-обновленческих интриг. Нарком отказался лично отвечать на обращение обновленцев, поручив 8 февраля уполномоченному НКВД при РСФСР В.Л. Коппу «снести с т. Смидовичем на предмет уведомления Священного Синода о том, что НКВД СССР не имеет возможности вмешиваться в конфликт, вызванный высылкой константинопольского патриарха»³⁹. Письмо Коппа Смидовичу было кратким: «Уважаемый товарищ! Священный Синод обратился к НКВД с просьбой заступиться от имени правительства СССР за высланного из Константинополя вселенского патриарха Константина. Коллегия НКВД находит какое бы то ни было вмешательство в вопрос о высылке Константина нежелательным и считает необходимым для СССР соблюдать в этом вопросе полнейший нейтралитет. Прошу Вас поставить в известность Священный Синод о состоявшемся решении. С коммунистическим приветом, член Коллегии НКВД Копп»⁴⁰.

³⁷ Там же, л. 3—5.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, л. 7.

⁴⁰ Там же, л. 10.

Тем временем архимандрит Василий, не видя желаемого результата от обращения обновленцев, 10 февраля 1925 г. направил председателю их Синода новое пространное письмо, в котором попытался придать злоключениям Константина VI политическую значимость: «Настоящий вселенский патриарх выбран в начале декабря минувшего года и до 28 января с.г. со стороны турецко-ангорского правительства не последовало никаких протестов. После же того, как в согласии со всеми восточными патриархами: александрийским, антиохийским и иерусалимским, вселенский патриарх объявил о созыве Вселенского собора во св[ят]ом граде Иерусалиме, сразу же зашевелились черносотенные элементы и белогвардейское духовенство за границей во главе с быв[шим] митрополитом Киевским Антонием Храповицким и друг[ими], которые, пользуясь гостеприимством и покровительством Югославии, Румынии и Болгарии, собираются подорвать авторитет вселенского патриарха и воспрепятствовать работам будущего Вселенского собора, который, по их мнению, примет обновленческое направление... Кроме того, эти же элементы и зарубежное духовенство стараются провести пропаганду против уже состоявшихся постановлений вселенской патриархии о патриаршестве в России, о действиях Карловицкого собора и о недостойном поведении архиепископа Анастасия и Александра, против указаний патриархата русскому заграничному духовенству, что оно должно перестать действовать под флагом Русской Церкви и политиканствовать, а вернуться в Россию, подчиняясь той власти, которую восстановил русский народ». Именно поэтому требовалось вмешательство Москвы. «Я горячо прошу Вас, — с пафосом восклицал в конце своего послания Димопуло, — оказать Константинопольской Матери-Церкви эту великую услугу, которая тем самым будет и актом силы и могущества русского правительства, тем более, что и вселенский патриарх, признаваемый на Востоке главою всего православного народа, ясно показал своими действиями своё расположение к советской власти»⁴¹.

Копию этого письма греческого архимандрита обновленцы передали в НКВД, а позднее опубликовали без даты и с небольшой стилистической правкой в своём «Вестнике»⁴². Более того, они даже попытались через РОСТА пустить в печать сообщение о том, что НКВД им не отвечает. Это вынудило Чичерина доходчивее изложить свою позицию Смидовичу (а также Ярославскому и Красикову, которым были посланы копии). «Недавно, — писал нарком 12 февраля, — священный синод обратился ко мне с просьбойхлопотать перед турецким правительством о взятии обратно решения о высылке патриарха. В материалах Росты для печати я нашёл сообщение об этом шаге священного синода и об отсутствии ответа со стороны НКВД. Я задержал это сообщение, ибо оно носило неприятный для нашего правительства характер: мы представлялись как защитники басурман против христианской церкви. Если важно для священного синода распространить сведения о своём выступлении, это надо сделать более тактично и осторожно. Отсутствие ответа с нашей стороны уже потому нельзя приписывать, что т. Копп, идя путём законных инстанций, просил Вас дать священному синоду этот ответ. Мы действительно не можем путаться в это дело. Мы не можем воспринимать старую царскую функцию покровительства православной церкви на Востоке. В то же время судьба патри-

⁴¹ Там же, л. 9—9 об.

⁴² На Православном Востоке // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 30.

арха уже сделалась орудием западного империализма в его нажиме на Турцию. Что касается сообщений о роли, сыгранной при этом реакционными элементами, то по этому поводу я лично разговаривал с турецким поверенным в делах, не придавая характера официального выступления в пользу патриарха»⁴³.

Однако не все влиятельные партийно-советские органы считали, подобно НКИД, что не следует «путаться в это дело». Некоторым, включая, по-видимому, и ОГПУ, идея обновленцев завлечь патриарха Константина в СССР казалась заманчивой. 14 февраля 1925 г. Антирелигиозная комиссия, в заседании которой участвовали Ярославский, Красиков, Менжинский, Смидович, Тучков и др., постановила: «а) поручить т. Менжинскому договориться с т. Чичериным; б) Не возражать против въезда в СССР патриарха как частного лица, если не будет к тому препятствий со стороны НКИД»⁴⁴.

О том, как прошли переговоры заместителя председателя ОГПУ с руководителем НКИД, до сих пор не известно, но, судя по результату, «договориться» не удалось. Патриарх Константин в СССР так и не приехал. Между тем церковные последствия его визита могли быть весьма значительны. Есть все основания предполагать, что обновленцы провозгласили бы его почётным председателем своего Синода (как они заочно провозгласили его преемника патриарха Василия почётным председателем своего Поместного собора в октябре 1925 г.⁴⁵). Произошла бы своего рода «личная уния» Константинопольского патриархата и советского обновленчества (во всяком случае, до появления в Стамбуле нового патриарха). Как отнеслись бы к такому слиянию другие поместные церкви, сказать сложно. Но «тихоновской» Православной Российской Церкви волей-неволей пришлось бы тогда перенести своё отношение к обновленцам как к псевдоцерковному безблагодатному явлению⁴⁶ и на Фанар. Парадоксальным образом, от такого потрясения православный мир тогда уберегла твёрдая позиция Чичерина. Дело ограничилось лишь пропагандистской кампанией, впрочем, настолько шумной, что самому наркому пришлось её оперативно корректировать.

Таким образом, можно проследить явную эволюцию в отношении НКИД к Константинопольской патриархии в 1918—1925 гг. Начав как самое заинтересованное в налаживании контактов с ней ведомство, наркомат под влиянием изменения внешнеполитической обстановки и советско-турецких связей стал едва ли не наиболее осторожным из них (во всяком случае, по сравнению с АРК и ОГПУ). Для православной Церкви нежелание дипломатов «впутываться» в церковные дела объективно оказывалось благом, поскольку предохраняло её от нового глобального раскола.

⁴³ АВП РФ, ф. 4, оп. 39, папка 240, д. 53220, л. 11.

⁴⁴ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) — ВКП(б). С. 160.

⁴⁵ Открытие собора. День первый // Церковное обновление. 1925. 25 ноября. № 14. С. 111.

⁴⁶ О такой оценке патриархом Тихоном обновленцев см.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917—1943 / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 290—291.